

ДРОЗДЁНОК

В школьные годы, с шестого по десятый класс, я держал дома разных птиц. Жили у меня щеглы, чижи, зяблик, коноплянка, скворец, снегири и многие другие птицы. Мне очень хотелось иметь черного дрозда, как я считал — самого красивого из всех наших дроздов, к тому же, песня у него очень мелодичная. Поймать этого дрозда было нелегко, и я решил взять из гнезда и выкормить птенца.

С моим товарищем Юрой мы много ходили по окрестным лесам, знали, где гнездятся эти дрозды и найти гнездо с подходящими по возрасту птенцами было нетрудно. В конце мая 1938 года мы нашли гнездо с тремя почти оперившимися, но еще «голопузыми» птенцами. Я выбрал самого крупного из них и принёс домой.

Сначала я посадил его в большую картонную коробку, а дня через два пересадил в клетку.. Однако, большую часть времени дроздёнок проводил на моём письменном столе, где ему, почему-то, нравилось сидеть на спине бронзовой собаки, служившей ручкой для пресс-папье. Кормил я его кусочками сырого или варёного мяса, яичным желтком, ловил для него кузнечиков, гусениц, собирал муравьиных куколок. Аппетит у него был хороший и кормить его приходилось очень часто. Но и рос он быстро. Уже через неделю стал ростом почти со взрослого дрозда и полностью оперился.

Уже со второго или третьего дня дроздёнок совсем перестал меня бояться. Даже, наоборот, приветствовал меня, взмахивая крылышками, когда я приближался к нему, и широко разевал свой желтый рот, требуя корма. Иногда я усаживал его на свой указательный палец и носил по всем комнатам, даже несколько раз выносил в сад. Правда, опасался при этом, как бы он не улетел.

А летал он уже вполне хорошо, перелетал из моей комнаты и в кухню, и в столовую. Часто, при моём приближении с кормом, он взлетал со стола и садился мне на руку, где я его, в таком случае, и кормил.

Когда он был сыт, то чем-нибудь развлекался всё на том же столе: то катал карандаш, то пытался сбросить бронзовую крышку с моего чернильного прибора, то тербил клювом листки моей записной книжки. Однажды ему удалось сбросить крышку с одной из чернильниц, и он сразу же залез в неё клювом, но чернил, кажется, не напился. Клюв же его некоторое время был фиолетовым. Если я сидел за столом и что-то писал или рисовал, он пытался схватить кончик карандаша или перо. Когда на стол падали лучи солнца, он растягивался посреди солнечного пятна, расправив крылья и развернув веером хвост – принимал «солнечные ванны».

Но прожил он у меня недолго. Как-то днём я держал его на руке в нашей кухне, и в это время кто-то резко открыл дверь со двора. По-видимому, дроздёнок испугался, взлетел с моей руки и, пролетев через кухню и все три комнаты, ударился с разлёту в большое зеркало шкафа, стоявшего в дальнем углу последней комнаты. Когда я подбежал и поднял его, он уже не дышал. Жалко мне его было до слёз... Да и сейчас еще жалко.

В О В К А

В этом же 1938 году я решил взять из гнезда птенца ворона. Читал и слышал, что эта птица хорошо приручается и, даже, может научиться произносить слова. 1-го мая мы с Юрой были в лесу, где еще ранней весной нашли гнездо воронов. Построено оно было почти на самой вершине одной из высоченных сосен в участке старого соснового леса.

Я полез, чтобы взять воронёнка, но, когда я был всего в полутора – двух метрах от гнезда, воронята вылетели и расселись по соседним соснам. Очень было обидно, опоздали... А взлезть на такую высокую сосну не так-то уж и легко!

В следующем году вороны снова поселились в том же гнезде. На этот раз мы были в лесу 24-го апреля, и я снова взлез на эту высоченную сосну и птенца достал. Возраст воронят как раз подходящий: почти оперились, но еще «голопузики», живот голый. Интересно, что особого страха при моём появлении у гнезда воронята не проявили, спокойно сидели, пока я одного из них записывал в сумку от противогаза, с которой я всегда ходил на экскурсии. Вот в этой сумке воронёнок и был доставлен домой.

Рос он быстро, и уже недели через две стал летать. Большую часть времени он проводил во дворе или в саду, и только на ночь я закрывал его в сарае, к чему он относился вполне спокойно.

У нас в это время была собака, немецкая овчарка по кличке Гарри. С воронёнком, которого мы называли Вовкой, у Гарри были вполне дружеские отношения. Они

познакомились еще в «детском» возрасте. Гарри было всего полгода, а первое время воронёнка я держал в кухне, где жил Гарри. Часто приходилось наблюдать, как на боку лежащего во дворе Гарри сидит Вовка и копается в шерсти, а собака спокойно терпит и изредка помахивает хвостом. Нравится? А вот соседскую собаку Вовка терпеть не мог. Как только она появлялась во дворе, кидался к ней, нахохлившись, расправив крылья и каркая при этом. Такого натиска Сильва, так звали собаку, не выдерживала и убиралась восвояси, то есть уходила домой. Так что, гулять во дворе она могла только тогда, когда там не было Вовки. А иногда его не бывало во дворе два-три часа, куда-то летал.

Много раз мы наблюдали, как Вовка летает кругами на большой высоте. И всегда он прилетал на мой зов. «Вовка, Вовка!» — кричал я, а он отвечал мне «крук-крук-крук» и кругами спускался всё ниже и ниже, садился на старый тополь над домом, оттуда на крышу дома, на сарай и — ко мне на руку или на плечо. Тут же получал какое-нибудь лакомство: кусочек мяса, или горсточку творога, или мышку. Мышей приходилось ловить специально, так как аппетит у него был отменный, и корму ему нужно было много. Ловил или стрелял (а у меня уже было ружьё) для него воробьёв, так как мясо с рынка перепадало не часто. Ночевал он уже не в сарае, а в нашем саду, на одной из яблонь.

Вовка хорошо знал всех жителей нашего дома, в котором было три квартиры, а население насчитывало 13 человек. Вовка спокойно вёл себя, когда кто-нибудь из жильцов был во дворе или в саду. Но, если появлялся кто-то посторонний, особенно дети, он нахохливался,

сердито каркал, а ребят почему-то всегда пытался клюнуть в пятку.

Прожил он у нас до 1-го сентября. Начались занятия в школе. Перед уходом я Вовку покормил, как и всегда по утрам. Когда я вернулся из школы, уже во второй половине дня, Вовки ни во дворе, ни в саду не было. Соседи наши видели его в саду около полудня. Не появился Вовка и вечером, хотя обычно еще до сумерек устраивался на ночлег на своей яблоне.

Так я его больше и не видел. Один из моих товарищей в первых числах сентября видел ворона на крыше пятиэтажного дома в двух кварталах от нас. Был ли это Вовка? Думаю, что, в конце концов, он присоединился к какой-нибудь семье воронов. Они в это время часто появлялись над городом.

ПОПКА

В июне 1940 года мой друг, Юра Товкач, в урочище Гетманщина, нашел птенца филина — самой большой нашей совы. Птенец был еще в белом пуху, сквозь который едва проглядывали пеньки пробивающихся перьев. Филиненок был довольно крупный, по длине тела не уступал грачу или вороне. Гнезда никакого не было, птенец лежал вблизи основания большой сосны на подстилке из прошлогодних листьев и сосновой хвои.

От
солнечных
лучей птенца
защищала
растущая
рядом
молоденькая
берёзка и
кроны старых
сосен. Рядом
с ним лежала
шкурка ежа,
внутри
которой Юра
не обнаружил
ни остатков
мяса, ни
косточек.

Юра
принёс
филинёнка

домой, надеясь выкормить и приручить его. Он в это время работал на противомалырийной станции, и ему приходилось на день – два выезжать в соседние районы. Мы договорились, что в таких случаях птенец будет жить у меня. Я в это время сдавал выпускные экзамены, а в промежутках готовился к очередному, сидел дома и какое-то время мог уделить уходу за этим симпатичным пуховичком.

Назвали мы его Попкой, наверное потому, что его голова и, особенно, клюв очень напоминали попугая. Так он и жил, то у меня, то у Юры.

У меня он ночевал в нашем сарае в большом картонном ящике, а утром я его выносил в сад или во двор. Где бы я его ни посадил – там он и сидел, даже не пытался куда-нибудь переместиться.

Рос Попка быстро, пух стал исчезать под рстущими перьями. Он стал совсем ручным; когда кто-то из нас подходил к нему, он приветствовал подошедшего, слегка взмахивая крыльями. У него был один, но очень большой недостаток — неуголимый аппетит. Изредка кто-то из нас покупал ему какого-нибудь мяса. А в основном нам с Юрой приходилось стрелять воробьёв и ловить мышей и полёвок. В Гришковом лесу мы ставили десятка два ловушек-давилок. Утречком, по холодку, кто-то из нас «собирал урожай» и снова настораживал ловушки. Иногда удавалось добыть грача. Его хватало на целый день, а воробьёв или мелких грызунов Попка мог проглотить (целиком!) сразу десяток.

К началу августа Попка вполне оперился и по величине уже почти не уступал взрослой птице. Только на голове еще не появились пучки перьев — «уши».

Иногда я выносил во двор или в сад большой таз и наполнял его водой. Попка сразу же в него забирался и во все стороны летели фонтаны брызг. Очень любил он купаться! А потом выбирался куда-нибудь на солнышко, сушил и перебирал клювом перья.

Незадолго до моего отъезда в армию, Юра сфотографировал меня с Попкой в своём саду, на Липовой, 11. А когда я получил снимок, то на его обратной стороне прочел, сделанную Юрой, эпитафию

следующего
содержания:
«В память о
безвременной
кончине
незабвенного
товарища,
погибшего от
злодейской
руки
презренного
убийцы. Мир
праху твоему,
Попка» Ниже
следуют
Юрина

подпись и
дата —
9.08.1940.

В саду на Липовой, 11. Фото Ю.Товкача

ОВСЯНОЧКИ

В июле 1963 года нам с Матушкой вручили путёвки в один из одесских санаториев. Прожив там два дня, мы поняли, что такой отдых не для нас, и на третий удрали оттуда домой. И, как и в прошлые годы, решили провести отпуск на речке, в палатке. В это время на Псле отдыхали наши друзья Костя и Клава с десятилетним сыном Валеркой. Мы взяли с собой его ровесницу Зою и 31 июля были уже на речке .

Как выяснилось, свою палатку Костя поставил вплотную к кусту, где было устроено гнездо обыкновенной овсянки (есть еще овсянки садовая, камышовая и другие). Три голых и слепых птенчика сидели в гнезде. Если кто-то из нас в него заглядывал, птенцы дружно тянули вверх свои широко открытые, ярко-красные с желтой окантовкой, рты, требуя корма. Возможно, они реагировали на колебания веток, на которых располагалось гнездо, так как видеть еще не могли.

Кормила птенцов только овсянка самка, но и она бросила гнездо к тому времени, когда птенцы почти оперились. Я предложил Валерке и Зое спасти птенчиков от голодной смерти, рассказал, как и чем их надо кормить.

Ребята сразу же принялись за дело. Да и не только они, все мы старались что-нибудь сунуть в их ненасытные рты. Кормили, в основном, кузнечиками, которых было много на соседних полянах, добывали для них толстых и жирных личинок короедов из-под коры упавших тополей.

Через несколько дней маленькие овсяночки гнездо оставили и держались в кустах возле палаток, а когда хотели есть — приходили к палаткам и попискивали тоненькими голосами. Рано поутру кому-то из нас приходилось вставать и ловить в еще мокрой от росы траве еще сонных кузнечиков. Если птенцов у палаток не было, стоило посвистеть и они тут же появлялись. Малыши привыкли принимать корм из рук, могли спокойно и подолгу сидеть на руке у кого-нибудь из нас. Числу к 12-му августа они стали летать и уже не приходили, а прилетали к палаткам.

На несколько дней, к нам на речку — отдохнуть и порыбачить, приезжал наш сотрудник, Миша Лебедев. Овсяночки ему так понравились, что он им стал уделять гораздо больше внимания, чем рыбной ловле. Ловил кузнечиков, кормил, подолгу держал какого-нибудь из птенчиков на руке и никак не мог налюбоваться. Удивляло его, как это такие крохотные пичужки могут что-то соображать, совсем не бояться людей, на зов прилетают...

За несколько дней до нашего отъезда домой, один из птенцов перестал прилетать на кормёжку, а дня через два и второй не появился. Летали они уже совсем уверенно и, вернее всего, сами научились ловить кузнечиков, которых на луговинах и полянах было множество. К тому же, несколько выводков овсянок, молодые с взрослыми, держались и кормились вблизи от нашего лагеря. Один птеник, самый маленький, прилетал покормиться в день нашего отъезда, а уехали мы с речки 18-го августа. Надеюсь, что и этот птенец благополучно присоединился к своим сородичам.

Валера и Зоя

На руках у Миши

Миша

КАРЛУША

Однажды мне принесли двух птенцов-заморышей — сорочонка и грачонка. Держали их какие-то ребята и, похоже, изрядно замучили. Обе птицы были вялыми, перья растрёпаны. Сорочонок погиб в тот же день, а грача удалось спасти. Через несколько дней он вполне оправился. Назвали мы его Карлом, хотя, вероятнее всего, это была Клара. Роста он был меньше среднего, да и ни разу за все годы, что он у нас жил, не пришлось слышать, чтобы он «пел», а грачи-самцы весной всегда поют. Но он так и остался Карлом – Карлушей.

Жил Карлуша, как и все мои птицы, ночью в вольере, которую я давно уже построил в саду, а днём на свободе, гулял по всему саду и двору. Вскоре стал летать, но за пределы нашей усадьбы залетал очень редко. А если такое случалось, сам домой не возвращался, а громко кричал, требуя, чтобы за ним пришли. Приходилось идти и спасать его. А ведь летал отлично! Ко мне и бабушке Павлуше Карлуша был очень привязан. Если кто-то из нас в саду или во дворе – он обязательно рядом. Я собираю яблоки – он на той же яблоне, я копаю червей – он здесь же, хватает выкопанных червей и разрывает на мелкие кусочки. Червей он, почему-то, не ел, в отличие от других грачей и прочих птиц вороньего семейства. Бабушке всегда «помогал» в прополке или уборке урожая. С ним вместе мы боролись с вредителями сада – уничтожали личинок яблонной плодожорки. В развилки стволов всех наших яблонь я положил куски мешковины, пропитанной отваром из сушеных яблок. Туда для окукливания собирались личинки плодожорки. Каждые 2-3 дня мы с

Карлом, переходя от яблони к яблоне, осматривали эти «ловушки». Я разворачивал кусок мешковины, и Карл тут же склёвывал всех личинок. И ему польза, и мне помощь.

Отправляясь в отпуск на речку, мы каждый раз брали с собой Карлушу. Там он вёл себя вполне прилично, почти не шкодил, от палаток никуда не улетал. Спал на большой дикой груше, росшей рядом с палатками. Днём, если не дремал где-нибудь на дереве, возился с какой-нибудь палочкой или щепкой, прятал их в траве или песке, хотя на эти его игрушки никто и не покушался. Он очень любил общество и, когда мы собирались у стола, обязательно был рядом, и что-нибудь вкусное ему перепало. А больше всего он любил, когда ему пальцем почесывали затылок. Уже надоело, и палец устал, а он всё наклоняется, подставляя свою голову.

Дома, в Полтаве, он как-то принялся строить гнездо в вольере. Собирал ветки и укладывал их в одном из углов на жёрдочки. В том году жил у меня еще и ворон. Эта затея Карла ему, почему-то, не понравилась и все, уложенные Карлушей, ветки он разбросал. Я предложил Карлу строить гнездо на одной из яблонь: собрал несколько веточек и уложил их, как мне казалось, в подходящую развилку. Карл сейчас же прилетел туда и стал укладывать ветки, которые я ему подавал. Но вскоре к этому строительству мы оба охладели. Да и сезон гнездостроения у грачей, живущих на свободе, давно прошел.

В эти же годы жила у нас клушица (альпийская ворона) Глафира. Птица она была очень зловредная и, как впоследствии оказалось, не только по отношению ко мне.

Когда-то её подстрелили на Кавказе, одно крыло висело, и летать она не могла. Меня она не терпела и всегда нахохливалась, растопыривала перья и уходила, если я приближался. Может быть потому, что я увёз её из прежнего дома в Москве, где она несколько лет прожила у Рюрика Бёме, нашего университетского товарища. Они с Элей, женой Рюрика, упросили меня взять Глашку в Полтаву. Она часто кричала диким голосом и очень громко, а это, почему-то не нравилось их нервным соседям, живущим через стенку. К тому же, свободно гуляя в «птичьей» комнате, где у одной из стен клетки с птицами располагались от пола до потолка, Глафира убила нескольких птиц, подкараулив их у нижних клеток.

Днём Глафира тоже разгуливала на свободе, что-то разыскивая в траве, каких-нибудь мелких насекомых. Карла пришлось несколько раз спасать от её побоев. Однажды я увидел, как она вцепилась в него обёими лапами и, лёжа на боку, долбит своим кривым клювом. Пришлось вмешаться, попало ей от меня. То ли она поняла, что так делать нехорошо, то ли Карл стал давать сдачи, но уже, через несколько дней, они рядышком разгуливали по всей нашей усадьбе.

Карлуша несколько раз «объяснялся мне в любви». Выражалось это в том, что на земле или на крыше нашего низенького сарая он, низко присев, распластывал крылья и хвост, мелко ими подрагивал и раскачивался из стороны в сторону. Когда-то такое проделывала только одна из моих галок.

Прожил у нас Карл около семи лет. На шестом году, весной, в конце апреля или начале мая, он улетел. Кричали, искали его по всей округе – не нашли. А через

неделю он сам прилетел, чему мы с дедушкой Павлушей были несказанно рады. Мы решили, что весной, когда у грачей наступает пора размножения, не будем его выпускать из вольеры, как бы снова не улетел. Но следующей весной, в первых числах мая, дедушка менял у птиц воду и забыл закрыть дверь вольеры. Карл вышел, погулял по двору. А когда улетел – дедушка и не заметил. Так он больше и не появился. Остаётся надеяться, что он нашел себе пару и присоединился к какой-нибудь грачиной стае.

Глаша

На речке

На солнышке

Г А Л Я

Из всех наших птиц вороньего семейства, куда относятся ворон, серая ворона, грач, галка, сорока и сойка, я чаще всего держал галок. Почти каждый год, и до и после войны, жили у меня одна, а то и сразу две галки. Иногда я сам находил нелётных еще, выпавших из гнезда, галчат, иногда мне их приносили соседские ребята, знавшие, что я люблю возиться с птицами.

Галчата меня особенно привлекали тем, что очень быстро становились совершенно ручными. Стоило такого галчонка пару раз покормить, и он уже признавал в тебе «кормящего родителя», охотно сидел на руке, на плече, откликался на кличку и приходил или прилетал на зов. И крики молодых галок казались мне очень мелодичными. На протяжении многих лет галчата больше всех других птиц радовали меня своей живостью и привязанностью.

Не помню, как у меня появилась Галя, о которой хочу рассказать. Но она, почему-то, запомнилась мне лучше всех других галок, да и все мои домашние долго еще её вспоминали.

В городе, когда она уже хорошо летала, на неё то и дело жаловались соседи. То она выщипывает шерсть из вывешенного для просушки одеяла, то разбрасывает или скатывает с крыши вишни, яблоки, сохнувшие на солнышке, то расклёвывает на грядке помидоры... Соседи, конечно, неоднократно жаловались на эти её безобразия. А держать в вольере эту милую птицу мне очень не хотелось. Вскоре пришло время ехать на речку, в палатки, и Галю мы взяли с собой.

Лагерем мы расположились среди высоких кустов ивняка, ограничивающих обширную песчаную косу на берегу Псла. Все мы были очень рады, что взяли Галю на речку. Что за прелестная птица! Она привязана была к нам, как собачонка. Без «общества» она никак не могла. Где мы, там и она. С раннего утра, когда большая часть нашего населения еще мирно спит в палатках, и только настоящие рыбаки, встав с рассветом, трудятся, добывая рыбу на пропитание всему обществу, Галя с кем-нибудь в лодке, активно участвует в этом процессе. В основном – мешает ему: лезет на руки, сдёргивает с крючка насаживаемых червей или пшеницу. А прогнать жалко, больно уж забавная птица! А то усядется у кого-нибудь на плече или на голове и "поёт". Пела она по утрам замечательно! Иногда с полчаса каркает, скрипит, стрекочет, раздувая горло.

Как только в в палаточном лагере просыпались, раздавались ребячьи голоса, Галя сразу же летела туда. Видно, там ей было интереснее, чем с рыбаками. Очень уж общительная была птица! Идём на берег умываться или купаться – и она с нами. Иногда, за компанию, тоже выкупается.

Когда наши ребята ходили в соседнюю деревню за молоком, Галя их часто сопровождала. То на голове или плече у кого-нибудь, то отлетит вперёд и какое-то время идёт по дорожке пешком, то отстанет где-нибудь, а потом на крыльях догоняет. Сопровождала их и просто на прогулках по окрестным местам.

Если в районе нашего лагеря появлялась какая-нибудь птица (дрозд, горлица, куличок), галка сейчас же бросалась за ней и преследовала на протяжении

нескольких десятков метров, прогоняя «чужака» за пределы лагеря.

Иногда Галя затевала игру с Костиным английским сеттером Диком. С громкими криками она вдруг принималась летать над палатками и вокруг лагеря, а Дик с лаем гонялся за ней. Вскоре оба успокаивались и до следующей такой игры внимания друг на друга не обращали.

Больше всего Гале нравилось перемещаться по лагерю, сидя на плече или на голове у кого-нибудь из нас. К тому, что наши плечи, спины и головные уборы бывали иногда изрядно «разукрашены» мы постепенно привыкли и относились к этому спокойно. Часто Галя проказила и приходилось гнать её со стола или отнимать что-нибудь утащенное. Всякие мелкие предметы мы прятали от неё: спички, чайные ложки, расчёски, зубные щетки.... Всё это при удобном случае она пыталась стащить и, при удаче, уносила в кусты. А там попробуй, найди! Спичечный коробок она легко открывала несколькими ударами клюва и, приоткрыв, одну за другой вытаскивала и разбрасывала спички. После этого они её больше не интересовали. Но больше всего её привлекали папиросы или сигареты наших курильщиков. На них у Гали можно было выменять любой, украденный ею, предмет. Один раз она выхватила у Алёши из рук крышку от фотоаппарата и унесла в кусты. Хорошо, что он успел найти галку, пока она не спрятала или не потеряла её. Увидев, что Алёша предлагает ей сигарету, Галя крышку бросила, чего от неё и ожидали.

Получив сигарету или папиросу, Галя сейчас же разрывала её и рассыпала табак. Почему-то этот процесс ей очень нравился.

Галя была единственной из когда-либо живших у меня птиц, спокойно позволявшей брать себя в руки. Как правило, птицы этого очень не любят. Мало того, она не успокаивалась и не засыпала вечером, если кто-нибудь из нас не «укладывал» её спать. Чаще всего это проделывал Алёша: брал Галю в руки, усаживал на подходящую ветку одного из кустов рядом с нашим столом, поглаживал. И тогда она прятала голову под крыло и засыпала до утра.

Вскоре после нашего приезда на речку у нас появился еще один питомец. Во время одной из своих экскурсий ребята нашли птенца сизоворонки, выпавшего из гнезда и, конечно, принесли его в лагерь. Сизоворонка — очень красивая птица величиной с галку. Взрослые птицы зелёно-голубые, спина коричневая; верхние части крыльев («плечи») лилово-синие, очень яркие. У птенцов та же окраска, но не такая яркая, как у взрослых птиц.

Птенца называли Сивкой. Летать он еще не умел. Пришлось держать его в клетке, потому что Галя пыталась его бить. Как же, она была хозяйкой лагеря. Или же кто-нибудь должен был караулить Сивку, оберегая от нападений галки. Кормили его кузнечиками, размоченной в молоке булкой. Охотно ел он сырую рыбу, порезанную на маленькие кусочки. Очень уж он был прожорлив! Правда, это особенность большинства птенцов. Зато быстро растут! За один раз Сивка мог съесть до полусотни кузнечиков средней величины или три-четыре небольших рыбки. Чаще всего это были

пескари или речные бычки. Их мы использовали в качестве живцов для насадки на донные удочки. И ловились на эту приманку крупные окуни, голавли, судаки, иногда сомята. Все они значительно пополняли наш рацион.

Сивка довольно быстро подрос и стал летать. Теперь уже его в клетку не сажали. Накормленный, он сразу же улетал на ближайшее дерево и сидел там до следующего кормления. Каждый раз, когда он летел на своё дерево, Галя преследовала его и пыталась клюнуть. Но, когда Сивка уже уселся на ветку, — не трогала его, улетала «по своим делам».

Сивка постоянно давал о себе знать непрерывным писком, слегка похожим на мяуканье кошки. И чем голоднее был, тем громче пищал. Приходилось брать в руки баночку с кормом и звать его. Он сейчас же слетал на руку. И, всё равно, пищал. И когда ел, и уже накормленный, но уже не так громко. Такая уж привычка у птенцов сизоворонки. Они и в родном гнезде непрерывно пищат хором, так же, как и птенцы наших дятлов.

В общем-то, Сивка был довольно «скучной» птицей. До нашей Гали ему было очень далеко! Когда мы уезжали с речки, его взяли себе сыновья шофёра, приехавшего за нами и нашим имуществом. Вскоре, уже в Полтаве, Сивка от них улетел.

Несколько раз к нам на речку приходила хозяйка, у которой мы брали молоко, с двумя своими 8-10-летними детьми, мальчиком и девочкой. Иногда сами эти ребята приносили нам молоко и какие-нибудь овощи. Галя этим ребятам очень нравилась, и они подолгу играли с ней,

предлагая то палочку, то какой-нибудь стебелёк, чтобы она вырывала это из их рук. И Галя охотно с ними играла. Несколько раз они просили, чтобы галку мы у них оставили. Хата их была в километре от нашей стоянки. Галя несколько раз бывала там, сопровождая наших ребят в походах за молоком.

Жалко было её отдавать, но мы помнили недовольство и жалобы соседей на проказы галки. А держать её взаперти не хотелось. Уезжая с речки, с душевной болью оставили Галю жить в деревне. Отдельные личности даже прослезились по этому поводу...

Через неделю после нашего отъезда с речки мы с дедушками снова были там. Усадьба хозяйки, которой мы оставили галку, была метрах в пятидесяти от дороги. Еще не доехав, мы увидели Галю на плетне возле дома. Как только остановились, она прилетела и уселась на багажнике «Запорожца», а потом пересела ко мне на плечо. Узнала! Вышла хозяйка с ребятами. Галка у них привыкла, держится возле дома целыми днями, а на ночь они берут её в хату.

Мы рады были, что Галя освоилась на новом месте, у новых хозяев. Когда в следующий раз мы туда приехали, Гали уже не было. Хозяйка хаты с большим огорчением рассказала нам, что Галя каким-то образом попала в колодец и утонула.

На руке у Павла Дмитриевича

На пляже... На голове у Юли Бызовой

Боря, Сивка, Галя

Чистят рыбу...

Сивка

М Я М Л И К

Студенты, проходившие практику в учебном хозяйстве института, подобрали двух, выпавших из гнезда, серых воронят. Держали их в комнате общежития. Воронята подросли, в отведённом им углу сидеть не хотели и бродили по всей комнате. При этом оставляли следы на полу, изрядно его «украшая». Похоже, что и кормили их как и чем попало. Работавший там, наш бывший студент, Володя Кулик предложил мне взять воронят. Я, конечно, не отказался, съездил за ними и привёз домой.

Воронята уже вполне оперились но еще не летали. На ночь я их закрывал в вольере, а днём они свободно гуляли по двору и саду. Были совершенно ручными. Но был у них один серьёзный недостаток — постоянно просили есть. Когда кто-нибудь из нас появлялся во дворе, эти милые птички сразу же подбегали и, взмахивая крыльями, кричали во всё горло. Приходилось кормить. Этим занимались я и дедушка Павлуша. Похоже, что в учхозе воронят основательно недокармливали, и сейчас они навёрстывали упущенное.

Через неделю или полторы воронята стали подлётывать. К этому времени мы уже дали им имена, одного назвали Шустриком, а другого Мямликом. Наверное, подметили какие-то особенности в их характерах, поведении. А имена эти были взяты из какой-то детской книжки. Когда они уже прилично летали, у Мямлика при полёте одно за другим стали заламываться маховые перья — самые крупные перья крыльев, которые обеспечивают возможность полёта. Видимо,

кальция не хватало в период роста перьев. А ген, обеспечивающий синтез кальция, пока еще не был синтезирован. У Шустрика же было всё в порядке и он хорошо летал.

Однажды, возвращаясь с работы, я неожиданно встретился с Шустриком. Он сидел на заборе за несколько домов от нашего, в самом начале переулочка. Я предложил ему сесть мне на руку и так доставил его домой. Мямлик же попыток удрать за пределы двора и сада не предпринимал, да и не мог, так как почти все маховые перья у него были обломаны, да и перья хвоста тоже понемногу обламывались.

Через несколько дней Шустрик, всё-таки, улетел, и Мямлик остался один. Но он не очень скучал. Разгуливал по двору и саду, что-то разыскивал в траве, каких-то насекомых. Иногда дразнил нашу собаку Марсика, сидевшего на цепи. Любимая забава Мямлика — утащить у Марсика миску. Пустая она была или нет — ему было всё равно. Иногда это ему удавалось. Длину цепи, на которой сидел Марсик, Мямлик знал хорошо и всегда вовремя отскакивал на безопасное расстояние.

Я убеждён, что эта птица способна обдумывать свои действия. Как-то я дал Мямлику кусочек хлеба, но он был, по-видимому, сыт и решил его припрятать про запас. Кусочек этот он убрал в зоб, тут же подобрал упавший с яблони лист. С листком в клюве перешел от яблони к сараю, где трава была погуще. Листок положил, выбросил из зоба хлеб и запрятал его в траву, а сверху прикрыл листком. Значит, заранее знал, зачем ему понадобится этот лист. Да еще отошел и посмотрел со стороны, хорошо ли спрятал. Такие «запасы» он делал

неоднократно, а вот отыскивал ли он их позже, мне проследить не удавалось.

В августе, как и в прошлые годы, мы поехали на речку Псёл, чтобы провести там часть отпуска, отдохнуть и порыбачить. Мямлика, конечно, взяли с собой. В машину Мямлик сам садиться не захотел. Пришлось брать его в руки и сажать туда насильно. В дороге он сначала беспокоился, пугался встречных машин и пытался спрыгнуть на пол, но вскоре успокоился и почти всю дорогу просидел у Вадима на руке.

К лагерю нашему Мямлик привык очень быстро и никуда от него не уходил. Когда мы ловили рыбу с берега, метрах пятидесяти выше лагеря, он приходил на край берега и оттуда наблюдал за рыбаками, а позже стал спускаться к самой воде. В лагере лез всюду, куда не надо. На столе ничего нельзя было оставить. Мог утащить нож, ложку, несколько раз снимал и уносил крышку от чайника, сбрасывал крышки кастрюль. Их приходилось ставить в не доступном для него месте или завязывать полотенцем, чтобы не мог открыть.

С его пропитанием хлопот не было. Ел рыбу, мясо, размоченный в молоке хлеб, доедал остатки нашего обеда, если таковые оказывались. Очень любил склёвывать со сковородки крошки от сухарей, оставшиеся после жаренья рыбы.

Два раза мы с Мямликом ходили на луг ловить кузнечиков. От палаток это было недалеко, двести-триста метров. Оба раза ловля удалась, только на опушке он соскакивал с руки и пытался удрать в лес, но я снова сажал его на руку, и он упокаивался. Кузнечиков ловили вместе: пойманных мною он брал у меня из рук, но

больше ловил сам — выпугнутых из травы моими ногами.

На третий раз Мямлик, как только я его отпустил на луговую травку, бросился бежать к лесной опушке и по пути забрался под раскидистый куст боярышника. Пришлось мне его оттуда вытаскивать. А у боярышника длинные и острые колючки, все руки исколол! Чего -то Мямлик испугался, может быть, пролетевшего вертолѐта. И ли же причиной испуга были налетевшие откуда-то серые вороны, поднявшие громкий тревожный крик. Конечно, им было чего тревожиться: на руке у человека, самого злейшего их врага, они увидели своего соплеменника. Пришлось нести Мямлика в лагерь, где он сразу же успокоился.

На следующий день, хотя не было ни ворон, ни вертолѐтов, повторилась та же история: выпущенный на луг, Мямлик сразу же стремглав бросился к лесной опушке и только там согласился сидеть на руке. Больше мы с ним так и не охотились на кузнечиков. Пришлось мне одному ходить за ними на луг и ловить для Мямлика. Я знаю давно, что кобылки, кузнечики и саранча — отличный витаминный корм, ими выкармливают птенцов очень многие наши птицы.

В последних числах августа все, отдохавшие с нами , москвичи, а также и полтавчане, уехали по домам. Остались на речке мы с Вадимом и Мямликом. К этому времени освободилось от туристов-харьковчан любимое наше место на Псле «Под грушей». Мы с Вадиком решили туда переехать. Это было совсем недалеко от нашей теперешней стоянки — всего 300-400 метров ниже по течению реки, а по сухопутью еще ближе. Часть

имущества мы загрузили в лодку, остальное — в «Запорожец». Когда разбирали палатку, Мямлик очень ловко поймал выбежавшую из-под неё мышку. Такой прыти я от него и не ожидал! Но мышка от него вырвалась и удрала в густой кустарник. Но тут же подвернулась еще одна и Мямлик благополучно с ней расправился, попросту говоря — съел.

Когда машина была загружена, я сел за руль и, открыв правую дверь, позвал Мямлика. Он как раз закончил свой обед. К моему удивлению, он сразу же вспрыгнул на свободное сиденье, я закрыл машину и мы поехали. Благополучно прибыли на новое для Мямлика место, где уже причаливал к берегу Вадим.

Мямлик и здесь быстро освоился. Подолгу расхаживал по небольшой полянке возле палатки, что-то отыскивая в траве, неизменно торчал возле стола во время завтрака и обеда, выпрашивая подачку. А когда ужинали, он уже спал на одной из нижних веток огромной дикой груши. Отсюда и название этого места, предложенное кем-то из моих друзей.

Дни стали значительно короче, с вечерней ловли мы возвращались в густые сумерки, когда птицам уже положено спать. Поэтому за нашим ужином Мямлик не присутствовал. Как-то вечером мы с Вадимом ужинали при свечке. Столик наш был под тентом, натянутым возле палатки и машины. Пошел довольно сильный дождь. И вдруг, на тропинке, ведущей от груши, появился Мямлик. Нашел дорогу в темноте! Решил, видно, что не стоит мокнуть под дождём, если можно устроиться под тентом. Пришлось наспех соорудить место для его ночлега. Укрепил над столом палку, где он и ночевал с тех пор,

независимо от погоды. А на стол на ночь мы стелили газету.

На деревья возле палатки иногда присаживались воробьи, кричали, но Мямлик на них не обращал внимания. Однажды он куда-то удрал после завтрака и отсутствовал до четырёх часов дня. Я звал его, но он не откликался, поиски мои не имели успеха, поблизости его нигде не было. Я уже стал беспокоиться, не попал ли он в беду. Вокруг нашей стоянки частенько встречались свежие следы лисицы и барсука. А эти милые звери не отказались бы полакомиться вороной. К тому же, не способной летать. Появился он из кустов, когда мы стали готовить обед и загремели кастрюлями. В гости, что ли, ходил?

Часто по утрам, а иногда и днём, когда мы с лодки ловили рыбу в ста — стапятидесяти метрах ниже нашей стоянки, Мямлик подолгу сидел на «наблюдательном пункте» — толстой кривой палке, которую я вкопал для него на краю обрывистого берега. При этом он громко и подолгу "пел", то есть каркал на разные лады, но большую часть его «репертуара» составлял самый настоящий, и притом на разные голоса, собачий лай. Похоже было, что он повторял голоса всех соседских собак, лай которых ежедневно слышал, живя в городе.

Когда мы возвращались с рыбной ловли, Мямлик радостно приветствовал нас, взмахивая своими обтрёпанными крыльями. А мы угощали его какой-нибудь небольшой рыбкой, с которой он быстро расправлялся.

В конце первой декады сентября мы вернулись в Полтаву. Для Мямлика снова началась «городская»

жизнь. Ночью в вольере, а днём во дворе и в саду. Марсика мы иногда отпускали с цепи. И, хотя Мямлик тут же разгуливал, собака его не трогала. И Мямлик её совсем не боялся. Однажды Марсу досталась большая кость. Мямлик крутился возле собаки, а Марс переходил с костью с места на место. Продолжалось это довольно долго. Наконец, Марсик кость оставил и Мямлик сразу же её схватил и потащил. Но собака тут же бросилась за вороной, и кость пришлось отдать.

На следующий год мы снова взяли Мямлика на речку, где прожили почти два месяца. На этот раз мы отдыхали не на Псле, а на Ворскле, где у нас было тоже «насиженное» место. Мямлика привезли туда еще не летающим, но к началу августа он полностью перелинял и стал хорошо летать. Маховые перья при полёте уже не заламывались.

В лагере он был равноправным членом нашего общества, хотя всерьёз признавал только мужчин, а остальных, при случае, поклёвывал. На ночь он устраивался на одном из деревьев возле палаток. По утрам, как и в прошлом году, «пел»: каркал, лаял разными собачьими голосами и повизгивал. Как-то два рыбака специально переплыли с противоположного берега, чтобы ближе послушать его и, воочию убедиться, что это действительно ворона способна так точно воспроизводить собачий лай.

Как только Мямлик стал хорошо летать, у него проявился интерес к окрестностям нашего лагеря. Улетал за 300-400 метров. Иногда приходилось его искать, но это было нетрудно, так как он всегда откликался на зов.

Вскоре мы эти поиски прекратили. После двух-трёх часов отсутствия Мямлик всегда возвращался к палаткам.

Как и в прошлом году, Мямлик изрядно шкодил, лез, куда ему не было положено. Как-то у него проявился интерес к «чтению книг». Сначала пострадала неосторожно оставленная на столе книга мемуаров Г.К.Жукова, где он изорвал несколько страниц. А книга была чужая. Боря, мой племянник, привёз её из Калуги. Хорошо, что у меня была такая же. Позже кто-то оставил на столе книгу «Сорок пять» А. Дюма. С ней Мямлик позабавился от души: почти все страницы этой толстой книги он превратил в «лапшу». Каждая страница состояла теперь из множества узеньких ленточек. И как это ему удалось!? После этого книг в доступных Мямлику местах уже никто не оставлял.

Однажды Вадим привёз на речку свою собаку, небольшую дворняжку. Сначала Мямлик Плутона, как звали собаку, побаивался, но они быстро привыкли друг к другу и, даже, неоднократно принимались играть. Кто-то из них брал в клюв или в зубы какую-нибудь палочку или тряпочку и с ней убегал, а другой гонялся за ним, пытаясь отнять. Брошенную «игрушку» хватал бывший преследователь и теперь сам с нею убегал. Так они и бегали друг за другом между палатками, под столом, вокруг машины. Минут 10-15 они так забавлялись, а еще больше забавляли всех нас. Небольшой кусочек этой их игры мне удалось снять на киноплёнку.

19 августа открывалась охота на уток. Накануне я был в Полтаве, а когда приехал на речку около десяти часов утра, Мямлика в лагере не было. Улетел куда-то еще рано утром. Не появился он и днём, и ближе к вечеру. Всё

наше «население» отправилось на поиски этой вороны. Не нашли. И на зов он не откликался. Хотя он и пакостил иногда, но всем нам хотелось, чтобы Мямлик нашелся.

Обнаружили его только утром следующего дня. Бедная птица сидела в глубине большого куста боярышника, недалеко от нашего лагеря. Левое крыло висело и было в крови. Видно, какой-то охотник в него стрелял.

Мы посадили Мямлика на горизонтальную ветку вяза возле палаток. Туда можно было подавать ему пищу и воду. Но в первые два дня от пищи он отказывался, только пил. На третий день стал есть. Но сидел неподвижно на одном месте. По-видимому, болело крыло, больно было шевелиться. Но дело шло на поправку, и недели через две Мямлик разгуливал по всему лагерю со слегка отвисшим крылом. Накануне нашего отъезда домой он стал уже перелетать на небольшое расстояние.

Осень и зиму Мямлик провёл, как и раньше, в вольере, саду и во дворе. Летать стал довольно хорошо, хотя его левое крыло немножко отвисало. Видно, не

совсем правильно срослись кости.

А весной, в конце апреля, Мямлик улетел. Мы надеялись, что вернётся, но он так и не появился. Может быть, нашел себе пару? Решил завести семью?

"Солнечные ванны"

Появился!

Плутон

**«Увёл»
у Марса
миску**

СПЛЮШКА

Впервые «сплю-у-у, сплю-у-у» — голос этой совки, очень звучный и мелодичный, я услышал в 1949 году в урочище «Сестрёнки», недалеко от районного городка Камышина. В Камышинском лесопитомнике, рядом с этим городком, располагалась база экспедиции Биофака МГУ, в составе которой несколько студентов-зоологов, и я в том числе, проходили практику.

В «Сестрёнках» мы провели немногим больше суток, но мне удалось найти гнездо сплюшки, познакомиться с её птенцами. Пара этих совок поселилась в сорочьем гнезде, построенном на невысоком деревце дикой яблони. В нём мы обнаружили четырёх птенцов, совсем еще маленьких. Они были покрыты пухом, сквозь который едва пробивались пеньки пёрышек. Понаблюдать этих милых совок не удалось, очень мало мы там простояли.

Вторая моя встреча со сплюшкой состоялась уже в 1953 году в окрестностях Сталинграда, где мы занимались изучением грызунов. А я в своих записных книжках не забывал отмечать и всё, что касалось птичьего населения окружающих нас угодий. В один из первых же вечеров, когда мы разбили палаточный лагерь на территории Опытной станции животноводства, послышался далёкий, но уже хорошо знакомый мне голос сплюшки. И в последующие дни, в вечерние сумерки и на рассвете, слышен был очень мелодичный и приятный мне позывной крик этой чудесной совки. Было начало мая, и у меня появилась надежда, что где-то будет гнездо этих птиц.

Местность, где был расположен наш лагерь, представляла собой слегка всхолмленную равнину, изрезанную балками и глубокими оврагами. Балки кое-где заросли кустами боярышника, тёрна, шиповника. Изредка встречались низкорослые дикие яблони.

Вскоре на одной из таких яблонь я обнаружил сорочье гнездо с «голопузыми» птенцами и взял одного сорочонка. Корма для него у нас было в избытке — мясо грызунов, которых мы ловили каждый день, а также кузнечики и кобылки. Этих насекомых здесь было очень много и наловить их не составляло труда.

Сорочонок быстро рос и вскоре стал летать. Иногда он сопровождал меня в моих походах по «грызунячьим» делам, но обычно через некоторое время улетал к палаткам. Похоже, что работа моя ему казалась скучной.

А я всё мечтал о сплюшке. Знаком был я с серой, ушастой и болотной совами, домовым сычом. Однажды с моим товарищем мы выкормили птенца филина. А со сплюшкой встретиться поближе никак не удавалось. Как-то, в один из последних дней июня, в дальней глухой балке я увидел сорочье гнездо на дикой яблоне, возвышающейся над зарослями боярышника и тёрна и решил проверить, не поселился ли там кто-нибудь. С трудом пробравшись сквозь колючие ветки кустов, влез на яблоню и обнаружил в гнезде четырёх сплюшат. Радости моей не было предела! Одного птенца я достал из гнезда и, положив на фуражку, сфотографировал. Взрослых сплюшек возле гнезда не было, или они где-то поблизости прятались.

Птенцы были покрыты белым пухом, сквозь который едваа начали пробиваться пёрышки. Взять

птенца я побоялся — уж больно малы они были, величиной чуть больше только что выклюнувшегося цыплёнка. И глаза толко-только открывались.

За птенцом я пришел через несколько дней. На этот раз родители сплюшат «были дома». Одна совка сидела на яблоне в двух метрах от гнезда, а вторая в гнезде. Когда я влез на дерево и взял птенца, обе сплюшки громко по-кошачьи мяукали и издавали какие-то, напоминающие мяуканье, но более высокие, «пронзительные», звуки и часто и громко щелкали клювом. Стоило мне слезть с дерева — сплюшки шуметь перестали. Сплюшата уже заметно оперились, белый пушок едва пробивался на голове и кое-где на спинке. Появились пеньки перьев на крыльях и на хвосте.

«Дома», у палаток, я скормил птенцу восемь больших кузнечиков и половину слепушонки, маленького грызуна. Во время кормления птенец всё время щелкал клювом, но предлагаемую пищу глотал. А тут откуда-то из-за палаток прилетела моя ручная сорока и уселась на краю столика, на котором я кормил сплюшонка. Как он вдруг распушился! Из вполне приличного совёнка превратился в какой-то почти круглый шарик из пуха и перьев. Видно, и сорока испугалась, сразу же улетела снова за палатки.

Через несколько дней наш лагерь был свёрнут и мы отправились в Сталинград на базу нашей экспедиции, откуда нам предстояло ехать в Москву. Накануне к нам в гости приходил преподаватель зоологии из Сталинградского сельскохозяйственного института и взял сороченка и двух ручных слепушонок. А сплюшку я увёз в Москву, а оттуда в Полтаву, где собирался провести

отпуск. Путешествие прошло благополучно и уже к середине июля мы были в Полтаве.

Для сплюшки, которая к этому времени стала совсем ручной и нисколько меня не дичилась, я приспособил в нашем саду небольшую клетку. Днём совка сидела где-нибудь на ветке одной из яблонь, а с наступлением сумерек я сажал её в клетку. Утром снова выпускал, при этом подставлял руку и она сама перебиралась ко мне на предплечье, где я её и кормил. Таков был обязательный ритуал при кормлении. Кормил я её несколько раз в день и, если она сидела на дереве, заставлял перебираться на руку, где и кормил.

К середине августа сплюшка стала совсем взрослой птицей. Появились "уши", четко обозначились контуры и рисунок лицевого диска. К моему сожалению, никаких эмоций, даже перед кормлением, совка не проявляла. То ли дело — галки, сороки вообще — птицы вороньего племени! Как-то, ближе к концу августа, я, чуть позже обычного времени, собрался посадить сплюшку на ночь в клетку. Когда я подставил локоть, она с ветки яблони перешла на него, но почти сразу же взлетела на навес над нашим крыльцом. Попытка снять её оттуда закончилась тем, что совка перелетела на крышу соседнего дома а минутой позже силуэт её мелькнул над нашим садом на фоне еще светлого неба. Больше мы её не видели.

Такой я ее увидел

Такую принёс
в наш лагерь

На колышке у палатки

На яблоне

Уже совсем взрослая

К О Р А

В конце мая или начале июня пришла соседка Валя: «Вам галка нужна? Она у меня в саду ходит, а летать не может».

Из птиц вороньего племени больше всех мне нравились галки. Они очень легко и быстро становились ручными, привязывались к хозяину. Часто их держал я и в мои школьные годы, и по возвращении в Полтаву после учёбы.

Поэтому сразу же вместе с Валею мы отправились к ней в сад. Оказалось, что это совсем не галка, а серая ворона. Завидев нас, эта птица бросилась бежать и с дорожки свернула в густые заросли какой-то высокой травы, где искать её было бесполезно.

К воронам я отношусь с уважением, знаю, что их интеллект не уступает собачьему. В этом я убедился несколько лет тому назад, когда у нас почти три года, причем на свободе, жила ворона по имени Мямлик. Я сказал Вале, что возьму ворону, если она сумеет поймать эту птицу.

«А она ко мне подходит и берёт корм из рук»,— сказала Валя.

Часа через два Валентина эту ворону мне принесла. При передаче «из рук в руки» птица пыталась вырваться и пребольно кусалась. Я посадил её в вольеру, поставил там поилку и кормушку. А ворона не могла летать потому, что маховые перья у неё были коротко обрезаны, а перья хвоста то ли вырваны, то ли тоже обрезаны. У

кого-то ворона жила, потому и не была очень дикой. Сразу же принялась за корм, а потом, осмотревшись, забралась на одну из жердей, приспособленных для когда-то живших здесь грачей, галок, клушиц, воронов.

Несколько дней я держал ворону в вольере. Уже на следующий день Кора, как я её называл,, стала брать корм у меня из рук. Вскоре я понял, что Кора не «она», а «он», поскольку птица стала «петь». А у большинства наших птиц поют только самцы.

Накануне приезда наших москвичей я выпустил Кору из вольеры. При сём присутствовали, любопытствуя, приبلудная собака Аргон и Катя, давно живущая у нас кошка. Едва выйдя из вольеры, Кора подпрыгнул, обеими лапами толкнул в бок Аргона и сразу же кинулся к кошке. Та бросилась бежать, а Кора за ней и загнал её за угол дома, где Катя спряталась под перевёрнутой вверх дном лодкой. А Аргон на выходку вороны никак не реагировал. Не успел, что ли?

Видно было, что кошки и собаки Коре хорошо знакомы и страха перед ними он не испытывает.

Так он и жил теперь на свободе, разгуливая с утра до вечера по всему двору и саду. И соседские кошки не смели здесь появляться — выгонял за пределы «своих владений». Он быстро понял, что «Кора» — это его имя и сразу же являлся на зов. Понимал, что если зовут, значит — чем-то покормят.

Первое время на ночь я загонял или, чаще, заманивал Кору в вольеру, а дверь её закрывал на всякий случай. Когда-то в вольеру пробралась куница и задушила жившего там грача. Правда, после этого сама

попалась в капкан, который я ставил на посещавших вольеру крыс. Куницу я отпустил, сделав на память несколько снимков. Вскоре птица сама привыкла уходить туда на ночлег. Утром Кора спускался к двери вольеры и ждал, когда его выпустят и покормят.

Кора очень любил купаться, как и многие другие птицы. Каждый день, а то и несколько раз в день, я наливал воду в приспособленный для этого таз, и он всю плескался.

Приехали москвичи. Глава семьи Боря, всегда исполнявший в Полтаве роль шеф-повара, стал подкармливать Катю, Аргона и Кору обрезками мяса и, как всегда, мяса не жалел. И теперь, стоило ему позвать кого-нибудь из них, к крыльцу с разных сторон бежали все трое. И Борис не обижал никого. А вот Кора не удовлетворялся тем, что доставалось, ему и часто пытался отнять кусочек у Кати, что ему и удавалось. Один раз он даже ухитрился выхватить кусочек мяса прямо изо рта у кошки. А Борис видел, как Катя и Кора растягивали кусочек мяса каждый к себе. Видно, клювом Кора ухватил крепче, чем Катя зубами. Мясо досталось ему.

К Аргону Кора относился «уважительнее», чем к Кате. Однако, когда собаку кормили, ухитрялся дёргать её за хвост или за заднюю лапу, или же пытался уволочь миску из-под носа у собаки.

Катя часто пряталась от Кору на подоконнике нашего кухонного окна, куда тот забраться не мог. Но однажды, когда Кора уже стал подлётывать, я увидел их обоих сидящими на этом подоконнике почти рядом. А позже мы часто видели ворону, спокойно сидящую рядом с Катей или Аргоном, а если кто-нибудь из нас выходил

во двор — Кора был рядом. Ему явно требовалось общество.

Когда Кора был сыт, а ему что-то дали, он прятал эти кусочки в траве, в саду или во дворе. Находил ли он позже эти свои захоронки, мы не видели. Зато Аргон довольно быстро уяснил, что можно полакомиться за счет Кору и легко отыскивал эти его запасы, что мы все неоднократно наблюдали.

Вскоре после того, как Кора освоился на новом месте, я как-то услышал его «пение», вернее — «монолог». Наклонив голову и раздувая горло, он часто-часто издавал звуки, трудно поддающиеся описанию, что-то среднее между карканьем и собачьим лаем. «Ко-ку-ко-ку-ку-ко», — примерно так можно изобразить это его пение, причем довольно хриплое. Продолжалась такая его тирада минуту или чуть больше и, как правило, повторялась несколько раз, а вскоре в конце каждой такой «строфы» Кора стал добавлять хрипло, но довольно четко произносимое, своё имя. Иногда я сам провоцировал его на это «пение», особенно это мне удавалось вечером, когда он усаживался в вольере на ночлег. Я подходил и начинал потихоньку хрипло каркать, стараясь подражать ему. Почти всегда он «присоединялся» и затем «пел» уже без моей поддержки довольно продолжительное время.

В июне у Кору стали выпадать кем-то обрезанные маховые перья, а еще раньше началась линька и всего оперения. Заросла лысина на голове, возникшая еще до нашего знакомства. И хвост стал отрастать. Следовательно, Коре пошел, как минимум, второй год, поскольку на первом году жизни у наших птиц маховые и

рулевые перья не заменяются. К концу августа Кора стал подлётывать. Любил взлетать на крышу сарая и подолгу там разгуливал, а когда звали — летел от сарая до самого крыльца. Стал уже хорошо летать.

Как-то днём я увидел в окошко, как по двору прошел Кора, а через две-три секунды снова прошел в том же направлении. Как это могло быть? Выбежал во двор и понял, что за Корой прошагала «чужая» ворона. Увидев меня, она сразу же улетела. На следующий день я наблюдал с веранды, как из таза возле вольеры пьют воду сразу две вороны. Значит, у Кору появилась подруга или друг. А кто-то из внучек видел, как Кора кормил другую ворону.

В сентябре, я уехал в Москву, а Кора вскоре исчез. Перед этим, мне сказали, к нему прилетали уже две вороны. Будем надеяться, что он благополучно присоединился к своим сородичам.